

Художественный театр.

(1898—27 окт. — 1923).

Художественный театр сыграл и еще теперь играет весьма крупную роль в русской театральной культуре, и мне хочется в день его 25-летнего юбилея просто вспомнить главные даты его многозначительной жизни. Как известно, в основе театра лежал кружок, организовавшийся вокруг Флоримонди и имевший своим руководителем Станиславского и Н.И.Ивановича-Данченко. Здесь я считаю нужным отметить довольно исключительный в истории искусства, да и вообще в истории факт. Обыкновенно оказывается верным положение, что двум медвежкам в одной берлоге уживаться трудно. Два крупнейших человека во главе какого-нибудь дела почти неизбежно приводят его к расколу. Правда, мы имеем блестящие примеры другого порядка, в частности в области политики. Но обыкновенно это бывает в тех случаях, когда один из двух партнеров (как, например, у Плеханова и Маркса и Энгельса) охотно признает себя второй скрипкой. Но в данном случае этого не было. Не было главного: совпадения темпераментов и взглядов. Была только чрезвычайно большая оценка каждым другого, и затем объединявшая обоих «реалистическая» художественная добросовестность. Тем более приятно, что оба эти замечательных человека впряглись в колесницу Художественного театра и ездили ее, если не всегда внутренне дружно, то внешне согласно.

Другой удачей кружка был изумительный подбор актеров. Конечно, невольно приходит в голову, что дело не в том, что собралась плеяда замечательных дарований, а в том, что принцип оказался правильно определяющим дарования. В самом деле, я помню еще время, когда говорили, что в Художественном театре собственно нет талантов, и что он берет «только» ансамблем, а сейчас половина лучших имен нашего театра должна быть позанименована из списка труппы Художественного театра.

Стремление к художественной законности и добросовестности естественно и неизбежно приводило к усилению роли режиссера. Режиссура, как искусство и как доминирующая сила в театре, для России по крайней мере — целиком создание вышеупомянутого кружка.

В выборе репертуара Художественный театр с самого начала стремился к пьесам серьезным, многозначительным, хотя, конечно, эпоха давала ему в руки лишь таких актеров, как Чехов, Ибсен и Гауптман, которые при огромной художественной серьезности и несомненной глубине мысли, тем не менее, сами выражали собою безвременье, разочарование и бездорожье.

Парь Федор Иванович был первым художником театра, именно потому, что все в нем от его парчевой внешности до деталей сценического исполнения вытекало из одной мысли и представляло собою несомненную до тех пор в театре художественную законченность.

Дальнейший успех связан был с именем Чехова благодаря совершенно изумительному воплощению чеховского тончайшего импрессионизма. С точки зрения чистого эстетства, с точки зрения тонкого штриха в зарисовке действительности Художественный театр получался на одинаковую высоту с Чеховым, но, конечно, с точки зрения силы проповеди и мощности конструкции он не мог не уступить на том же уровне небольшой высоте, на какой эпоха осуждала самого Чехова.

Театр попробовал взлететь на гораздо большую высоту с постановкой испанского романа Достоевского. Конечно, в Достоевском таилась гигантская сила, но эта сила и идеям чеховского разлада, но, к сожалению, в главнейшем и существенном Достоевский, как декадентский эпоха, либо выражал такое же безвременье, такое же отчаяние интеллигенции, поставленной в тупик, либо давал неприемлемые для нашей эпохи правдоподобно-реалистические решения вопросов. Таким образом, театр, как и вся эпоха, не в состоянии был выдвинуть его в руководящего, что, несомненно, явилось в известной мере реалистический театр распада (театр Гоголя и Островского), но зато далеко оставил за собою прежний реалистический театр в формально-художественном отношении как

в области эстетического и эстетического, так и в области сценического искусства.

Станиславский давал всем театру главную душу, определял, соборно, так сказать, красочное и музыкальное содержание театра. Немирович-Данченко избирал репертуар, и в то же время обеспечивал превосходную административную работу над всеми сторонами постановочной театральной машины.

Художественный театр стремился и в артельном зале, и в фойе и, так сказать, во всей области соприкосновения с публикой обеспечить художественность, т. е. изысканную эстетику. Благоприятная среда и серьезная ответственность, ибо именно так понимал Художественный театр атмосферу работы.

Художественный театр не смотрел на себя просто как на театр, а как на некоторый миссионерский центр, призванный реформировать искусство. Оговорюсь: конечно, ни миссионерского проповедничества, в смысле содержания Художественный театр не проводил. Он хотел проповедовать только новую обязательную-законченную художественную форму.

Пять лет начал в нем реформу театральной музыки, и театр задумал, а отчасти и сейчас проводит нагнетание на оперную музыку.

Театр бросил целой роей более или менее взрослых студий, и, кроме того, поросла таких студий, уже органически не связанных с метрополией, покрывала Россию.

Но в то же самое время театр стал слабеть. Особенно сильный удар нанесли ему революция. Поскольку революция могла создать театр или поддержать его, она должна была требовать от него содержания, и при этом нового содержания. Художественный театр сначала никак не мог к этому приспособиться. Он продолжал давать свои прекрасные спектакли, которые сейчас увез в Америку. Тем не менее, театр жил.

Более молодые его организмы, студии, стали искать новых форм, более отвечающих требованиям времени. Было бы слишком долго анализировать здесь эти поиски с их достижениями и ошибками. Становится очевидным, что из этого мира студий, включая сюда и музыкальную студию самого Немировича-Данченко, должен вырасти новый Художественный театр, идущий на смену тому, гостившему в Америке. С возмужавшим могучим Художественным театром мы, вероятно, будем иметь здесь две одинаково сильные группы, из которых вторая целиком будет смотреть в будущее.

Всякая критика совершенно отпадает от «Иллюстраций» и все свои публики, которые соприкасаются с этим спектаклем, чувствуют на себе обаяние этого спектакля. Он очень смел, он очень плакатен, он очень рельефен. В нем есть такие дерзновения, которые являются большими новшествами, чем неуклюжие культированные левейших из левых. В то же время он падок вкуса, внутренней культурной меры, он создает тот естественный синтез, которого время не может не создать, отбирая жизнеспособное среди массы всякой порисовки.

Таким образом, Художественный театр имеет по своему замечательное — перспективное — обаяние для будущего. Надо от души пожелать, чтобы Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, отныне народному артисту республики, удалось создать из молодых сил эту вторую центральную труппу Художественного театра. Она будет самым приятным сюрпризом для великого Станиславского при его возвращении к нам, ибо что так удручало этого изумительнейшего художника русской сцены наших дней, так именно какое-то отсутствие путей, в которое он уперся в последнее время. Мне кажется, что второй из вождей Художественного театра за время отсутствия Станиславского уже почти обрел эти пути.

Мы поздравляем Художественный театр с его прошлым и будущим в день его 25-летнего юбилея, артистов Станиславского и Немировича-Данченко со званием народных артистов республики, и много послуживших театру высокодаровитых Москвина, Дилину, Книппер и Лузского со званием заслуженных артистов государственных академических театров.

А. ЛУНАЧСКИЙ.